

Рефлексируя проблему

Сергей СМИРНОВ

Можно ли найти ответы о смысле жизни в книге, в том числе философской? С этого вопроса начинается свою статью Г.Л. Тульчинский. Боюсь, нет. В мире давно властвует не язык книги, а язык улицы, где можно услышать не только ненормативный язык и просторечия, но и голоса поэтов, а можно увидеть и театральные представления. Митингующие требуют смены власти, а философы уже давно стали завсегдатями интеллектуальных кафе.

Сократ философствовал на площадях и улицах, на базаре. Много позже Кант и Гегель философствовали с кафедр университетов. А свои «Критики» Кант писал в прокуренном кабинете. Флоренский философствовал у себя дома на кухне, рассказывая азы своей философии своим детям; позднее он писал им о своей философии в письмах. Петр Чаадаев писал «философические письма» госпоже Пановой, сидя в усадьбе у тушки. Где и как философствуют философы? Давно не в библиотеках, не на кафедрах и не на симпозиумах. Там философия умерла, не родившись. Если вспоминать ее корни, то она рождалась как практика душепопечения, как духовная практика преображения. И разумеется не на кафедрах и не в кабинетах. Перипатетики философствовали, расхаживая в саду Ликее. А стоики занимались духовными практиками, о чем подробно рассказали гуманитарные раскопки М. Фуко, а до него работы П. Адо.

Тульчинский предлагает взглянуть на философию как на то, чем занимаются реальные философы. А они занимаются «социально организованной и социально значимой деятельностью». Согласен. Поддерживаю. Но я бы все-таки несколько опредметил это понимание. Философия по своим корням – это все же некий опыт. Опыт предельного вопрошания. Опыт мышления от первого лица об онтологических пределах. И это мышление носит сугубо практический характер. Далее же он, этот опыт, воплощается в то, что философ, проделывая его, держа онтологическую рамку как предельную, может выступать консультантом, учителем в части выработки неких предельных концептов и конструктов – как ответов на радикальные вызовы времени, с которыми сталкивается человечество.

Поэтому рождаются проекты и программы, часто утопические, например, проекты того же Чаадаева, Флоренского, Соловьева. Впрочем, были также исследования Ф. Фукуямы – как ответ на заказ правительства США для RAND Corporation. Ответом на заказ Канадского правительства была и работа Ж-Ф. Лиотара «Что такое постмодерн?».

Можно, конечно, рассматривать философию и как историю философских школ со своими концептами, эпистемами и гносеологами. И тогда взаимодействие между философами идет по линии обмена или

конфликта этих систем знания. Так, Р. Коллинз описывает историю философии как историю этих школ, сообществ.

Важное разграничение сделал Тульчинский со ссылкой на Эпштейна: разграничение между *filosofia* и *philosophy*. Это правильное разведение идет по линии праксиса, опыта, с одной стороны, и теории, с другой (но не в греческом варианте созерцания, теороса, а в варианте нововременного рационального конструирования систем знаний, которые транслируются с кафедры профессурой).

Я бы добавил, что в свое время Кант различал школьную и мировую философию. Первая преподается с кафедры, по ней пишут книги и учебники. Вторая демонстрируется в поступке, вырастает в опыте. Она не транслируется. Но ее можно показать как прецедент, как образец. Невозможно передать опыт Ф. Ницше, но его можно было увидеть. Как можно увидеть пример Иисуса Христа.

Понятно, что этот феномен в культуре — обычный, известный: превращение опыта, практики в некий набор знаний и представлений, отрыв их от носителя и трансляция новым поколениям в виде «упакованных» знаний. Но если эти новые поколения перестают сами над собой проделывать духовный опыт преображения и авторского мышления о пределах (т.е. собственно заниматься философствованием), то транслируемое знание становится мертвым.

На фоне проблемной, ставящей вопросы статьи Тульчинского и точной по диагностике статьи Эпштейна остальные как будто не видят проблемы. И редуцируют ее к конкретным примерам.

Например, В.И. Пржиленский выделяет геометров в античной традиции, осуществляя сильную редукцию и забывая, что в античной традиции, начиная с Сократа философия исходно выращивалась как опыт заботы о душе, т.е. эпимелейя, а вовсе не как созерцание и умозрение. И отсылки у автора идут, как правило, на западную рациональную традицию в лице Рорти, Вебера и Рассела, которые вовсе не могут быть непререкаемыми авторитетами в философском мире.

Кроме того, Пржиленский почему-то продолжает ставить союз «и» между философией и наукой, и в контексте его статьи явственно просматривается желание считать философию наукой. Помилуйте: Ницше, Киркегор, Чаадаев, Сократ, Флоренский, задавшие радикальные тренды в мировой философии — ученые? И о какой принадлежности к какой школе можно говорить, называя эти имена?

Поэтому попытка автора выделить «идеальные типы» философствования со ссылкой на Вебера (геометры, судьи, инженеры, истолкователи) выглядит остроумно, оригинально, но никакого отношения к реальной истории философии не имеет. Эта реконструкция скорее имеет отношение в целом к истории мысли, к истории типов мышления и форм идентичности. Впрочем, автор сам признает метафоричность своей реконструкции. Однако эти метафоры не так безобидны, потому что выведенные из них четыре типа: визуализация, когерентизация, конструирование и интерпретация — называются типами философствования. Боюсь, такие типы, названные в деятельностном залоге,

не дают нам ответа на вопрос о способах философствования. Будучи неадекватными, они относятся скорее к научной и проектной практике, нежели к практике философствования.

В статье К.А. Кузнецова предметом рассмотрения является метод Гегеля. От статьи повеяло духом, которым дышали наши свободолюбивые гегельянцы-марксисты во главе с Ильенковым. Я ничего не имею против воскрешения великих теней, но в статье нет главного: истории метода. С методом давно разобрался сам Маркс, изложивший по Логике Гегеля первый том Капитала. Маньковский давно разложил по этому же методу всю таблицу категорий диалектики, Щедровицкий, отталкиваясь от Маркса, начал строить свою содержательно-генетическую логику, Мамардашвили написал книгу о содержании и формах мышления, отталкиваясь от Гегеля, а до них их старший товарищ, бывший военный летчик Зиновьев впервые написал свою гениальную кандидатскую диссертацию по логике восхождения от абстрактного к конкретному, кстати, изданную в 2002 г. Институтом философии отдельной книжкой. Я так и не понял, почему Кузнецов даже не упомянул все эти имена, которые осуществили прорыв в отечественной философии в 50–60-х годах прошлого века, переведя Маркса с языка идеологии на язык настоящей методологии науки и попытавшись построить новые конструкты мышления. Именно так в то время названные авторы пытались философствовать. Это был их способ философствования.

Я уж не говорю о том, что в культуре западной мысли, особенно франкофонной, давно зафиксирован весьма эпатажный, но радикальный интеллектуальный ход А. Кожева, который на своих семинарах 1933–1939 годов прошлого века учил будущих властителей дум (Батай, Лакан, Кайуа) как раз основам Гегеля — Феноменологии Духа, и сделал вывод, что феноменология Гегеля — это чистой воды философская антропология, в которой провозглашена смерть человека и смерть того самого Абсолюта, к которому приходит Кузнецов. По Кожеву, Гегель довел до предела пафос спекулятивного разума, трансцендентального субъекта, т.е. самого себя до экзистенциального экстаза и тем самым похоронил все дальнейшие упражнения в спекуляциях о человеке и истории. Он зафиксировал смерть человека и конец истории, т.е. смерть и конец той модели истории и той идеи человека, к которым привык классический европейский рационалистический дискурс.

Вывод же Кузнецова уводит нас совсем в иной горизонт: «Логика и метод Гегеля применимы только к одному, бесконечному и поэтому уникальному предмету — они позволяют понять категориальную структуру абсолюта. Однако это само по себе является крайне важной задачей, поскольку такая структура является фундаментом всего научного познания». Вот и все. Как будто ничего до этого не случилось. Как будто не было до этого никаких интеллектуальных боев.

Вполне точной фиксацией является текст А.Ю. Шелковникова, посвященный концептивизму Эпштейна как дискурсу зачатия новых смыслов. С этим можно согласиться. Но далее хочется развернуть

уже и дискурс этого зачатия, сам способ зачинания на дальнейшее. Шелковников в статье пытается укоренить концептивизм Эпштейна в качестве философской традиции, связывая его работы и практики с именами Витгенштейна, Делёза и Ницше. Но не хватает собственно методологической работы — а в чем собственно заключается способ философствования у Эпштейна? И какие способы философствования сейчас востребованы? Какой словарь новых смыслов необходимо выстраивать? Впрочем, эти вопросы выводят нас на дальнейшие поиски. Потенциал предложений авторов проективного словаря Тульчинского и Эпштейна не вызывает сомнений. Но он также нуждается в ответе на вопрос: а что порождает этот словарь? На какие вызовы он отвечает? Каким чаяниям человека он соответствует? Какая проекция человека и какой проект бытия высвечиваются в проективном словаре?

Особо хочу остановиться на статье Ю.В. Шичаниной. С одной стороны, как фиксация тренда виртуализации человека и мира, как диагностика того, что происходит с человеком (киборгизация и формирование мутантов), это вполне адекватно и понятно. Но автор при этом допускает и философствование онлайн, допускает наличие такой фигуры, как философ-фрилансер, который живет в чате, ведет блоги, и как бы философствует, занимаясь всякого рода литературными мистификациями. При чем же тут философия? И почему надо называть философствованием то, чем занимаются умники, живущие в виртуале? Равно как есть интернет-поэзия, интернет-литература, интернет-присутствие (как бы) в музее. Но это же не заменит живого слова, не заменит живого присутствия рядом с картиной художника.

Я уж не говорю о том, что интернет, будучи средством и средой информационного обитания, не должен и не может заменить акта мышления. Он не может заменить необходимого личностного усилия по поводу самого себя и своего присутствия в мире. От обилия цитат в онлайн переписке, от обилия писем в чатах твоей мысли не прибавится. Равно как не прибавится твоего присутствия в бытии. Ты все равно находишься один на один со своим онтологическим самоопределением. Поэтому в лучшем случае можно отнестись к работе Шичаниной как к констатации тренда, ведущего к виртуализации жизни человека и его радикальному метаморфозу. Но ведь рядом есть и другие поиски, вполне живые и действенные культурные и духовные практики, применяемые в живом театре, в живой литературе, в образовании, в психопрактиках разного рода. Почему бы там не поискать настоящий опыт живого философствования? Наверное, потому что в чате это проще и безответственнее. Там не надо говорить глаза в глаза, не надо лично и личностно вступать в тяжбу с Тем, Кто однажды тебя спросит: ты-то, ты зачем в этой жизни?

Андрей ШЕЛКОВНИКОВ

Мне кажется, что в современном философствовании возникло серьезное противоречие, выражающееся в том, что современный мыслитель балансирует на «лезвии бритвы» между мышлением и презентацией себя в

качестве философа. Впрочем, это может быть отнесено ко всему XX веку и началу XXI. Целью очень часто оказывается создание принципиально новой дискурсивной практики в пространстве культуры, мышления и письма. Конечно, это — гиперавторская интенция. И наиболее ярко это просматривается у постмодернистов, на словах отказывающихся от самого феномена авторства. Мудрость, *София*, о которой пишет М.Н. Эпштейн, и, разумеется, о которой помнят все философы, как мне представляется, чужда стремлению к дискурсивной самоидентификации, чужда конструированию многих *софий* и т.п. Увлеченность способами философствования отдаляет нас от мудрости, истины, от всего философского в классическом понимании. Смакование метода не способствует интенсивности мышления, мысли как таковой. Конечно, с точки зрения неклассики, постнеклассики все выглядит иначе. Но сами концепты «философия», «истина», «мудрость», «мышление» — классические. Основу философского методологического и терминологического аппарата продолжает составлять классика, но каждый уважающий себя современный мыслитель полагает необходимым играть оттенками значений этого аппарата, погружать его в новые контексты, остраниать, деконструировать, концептировать и т.д. Это — не критика, это — описание симптоматики, семиотика современного философского дискурса. Мы вынуждены жить в этом и с этим, такова современная семиосфера, но есть и другие возможности, потому что в нашем языке сохраняются такие понятия, как «истина», «мудрость», «парадигма» (в платоновском смысле), «канон», «идея», «традиция», «душа», «сознание». А эти понятия сохраняют свою все-таки не прервавшуюся связь с истоками. Реконструкция традиции составляет не менее актуальную интенцию культуры, чем обновление языка.

Владимир ПРЖИЛЕНСКИЙ

Философ не всегда мудрец, по мнению М. Эпштейна. А, может быть, он и никогда не мудрец. Может быть, для него обретение мудрости тождественно констатации профнепригодности. Любить мудрость и заниматься мудростью — вещи разные. Можно предположить, что те, кто назвал себя философами, заключили конвенцию, табуирующую всякие рассуждения о мудрости. Что-то вроде запрета на произнесение имени Бога, Его полного имени или даже упоминания о Нем. Отсюда и цитируемые М. Эпштейном слова платоновского Сократа: «Название мудреца, Федр, по-моему, для него слишком громко и пристало только богу». А можно приписать и другую, совсем не пафосную, но иронически-лукавую позицию, прекрасно выражаемую словами Даниила Заточника: «Аще есмь не мудр, но в премудрых ризу облачихся, а смысленных сапоги носил»¹. Всегда ходить вокруг да около, всегда бояться подойти слишком близко — такова епитимья, наложенная фило-

¹ Послание Даниила Заточенного к великому князю Ярославу Всеволодичу/ Древняя русская литература. Хрестоматия. — М.: Просвещение, 1988. — С. 125.

софами на самих себя. Может быть, — из опасения безумия, а может, — из страха оказаться смешным и достойным лишь презрения. От прыжка в кратер вулкана — до уподобления аристофановскому «мудрецу», разверзшему «чрево комариное».

Говоря о современной философии, трудно себе представить ее правопреемницей той самой интеллектуальной практики, которая возникла в рамках античного полиса и завершила свое существование вместе с гибелью греко-римского языческого мира. Отсюда и то множество сомнений, которое возникает всякий раз, когда пытаются представить философию как некий проект, в котором можно ставить вопрос о единстве смысла и замысла. Но в том-то и дело, что, представленная как совокупность разнообразных рациональных инициатив и дискурсивных практик, философия менее всего соотносится со своим названием, по крайней мере, если относиться к нему всерьез.

Софийность современной философии состоит в том, что она использует особые стратегии выживания в условиях перманентно возникающих сомнений в ее актуальности и необходимости. Стремление развеять подобные сомнения слышится уже в самом названии этой «науки». Авторы этого титула как бы говорят — наше знание не такое, к какому вы привыкли и которого вы требуете. В этих словах можно прочесть и дерзость, и покаяние. Способы философствования бывают разными, и их различие определяется разнообразием задач, которые пытаются решить с привлечением философии, ее средств и методов.

В разные эпохи философы занимались очень разными вещами. Долгое время они создавали теории мира. Именно так можно назвать различные теории бытия, разделяющие все сущее то на атомы и пустоту, то на идеи и вещи, то на материи и формы. Философы тогда еще верили, что способны силой ума постигать мир. Затем они перешли от теорий мира к теориям познания, сознания, действия. Этот второй этап опирался на совсем иные ресурсы разума: на смену спекуляции пришла рефлексия. Решительно покончить с жанром философского теоретизирования решили лишь во второй половине прошлого столетия, да и то не все. Оставив жанр созидания теорий представителям «позитивных» наук, философы как бы провозгласили эпоху посттеоретической философии, предлагая ее адептам уподобиться терапевтам и толкователям, археологам и генеалогам, социологам и конспирологам. Мудрый знает, а философ подозревает и, что самое интересное, овладевает искусством подозрения.

Юлия ШИЧАНИНА

Примечательно, что мудрость, как это показал М.Н. Эпштейн, имеет процессуальный характер, что это неизбежный процесс поиска гармонии и меры, выявление крайностей и золотой середины, процесс постоянно возобновляемого на новом витке движения от интуиции ума к логике сердца и наоборот.

Возможно, мудрость современной философии состоит в отказе от институциональных и дисциплинарных делений, от попыток отвоевать свои кафедры, аудиторные часы, компоненты образовательного стандарта и т. д. Разве не мудро усмотреть за умиранием традиционной дидактики новые возможности распаковки и упаковки философского смысла, использовать мультимедийные гипертексты (мультилоги) вместо монологов, отказаться от жестких словоформ в пользу мыслеобразов, продолжать свой «труд любви» (Эпштейн) на ниве собственного существования и бескрайнего Интернета? И все же жаль, что мудрость в современной философии – это больше логика, чем этика, что философия – больше риторика, чем образ жизни и что с мудрецом уже фактически невозможно встретиться «с глазу на глаз».

И соглашусь с Г.Л. Тульчинским, что философствование выступает рефлексивным компонентом, экзистенциальным «бульоном» любой человеческой деятельности и индивидуальной человеческой жизни, поэтому так бесконечно многообразны его формы. Практически везде, где присутствуют некие общие принципы и где человек сталкивается с необходимостью соотнесения себя с ними, включения себя в общую схему (чтобы все было «как у людей», «по фэн-шую» и т. д.), – человек вступает на путь философствования. Отсюда – не только философия любви, добра и красоты, но и философия еды и бани, курортного романа и «съема», загара и «критических дней» и т. д. Другое дело, что в процессе подобного философствования не всякий становится философом – не всякий задает систему референции (становится «мерой всех вещей», реализует свою свободу, осознает свое «не-алиби-в-бытии»), мыслит необъятное как целое, покушается своим конечным разумом на бесконечное, организует в систему абстракции, разрешает (разряжает) в себе трагические противоречия, обрекая себя на «не от мира сего».

К современным видам невербального философствования, наверное можно было бы добавить философствование логотипами, клипами и рекламными банерами. Советы как отличить добро от зла, умного от дурака раздают сегодня не только психологи и «селебрити», но и пиво, за которым «пойдет самый умный». В современном обществе потребления каждого преследует красочно инсталлированная философия бульонных кубиков, стирального порошка и кетчупа, внутри которых присутствует скрытая реклама достойного образа жизни, должного действия и личного счастья.

Константин КУЗНЕЦОВ

На мой взгляд, если не основная, то одна из основных тем нашей подборки – соотношение трех понятий – мудрости, философии и философствования.

Мне это соотношение видится следующим образом. Мудрость, безусловно, более широкое понятие, чем философия, так как мудрость

включает в себя не только дискурс, но и образ жизни или духовную практику. Мудрость явно древнее философии и, в отличие от последней, существует во всех сколько-нибудь развитых культурах. Более того, мудрость и существовала всегда и везде преимущественно в недискурсивной форме. Дискурс (точнее, диалектика) стал преобладать только в одной из культур, что и привело к возникновению философии в современном смысле слова — как теоретического знания об абсолютном бытии. Поэтому, допустим, то, что называют «восточной философией», практически не имеет к философии никакого отношения. Любое теоретизирование на Востоке является лишь дополнением к духовной практике или к так называемой «житейской мудрости». По этой причине «восточную философию» невозможно изучить по книгам, в то время как западная, т.е. собственно философия, представляет собой не что иное, как корпус текстов. Что касается философствования, этот термин имеет несколько уничижительный оттенок, так как под ним часто понимается то, что когда-то называли «резонерством», — рассуждение, исходящее из произвольных оснований. Таким образом, не всякая мудрость и не всякое философствование есть философия.

Ну, а на том, что такое философия, несмотря на «новизну» этой темы, следует остановиться подробнее. На мой взгляд, имеющее сейчас место противопоставление философии и науки является не более чем позитивистским предрассудком, который, к сожалению, воспроизводился у философов самых разных направлений на протяжении всего XX века.

Философия является именно наукой, теоретическим знанием, у которого есть совершенно конкретный предмет. Философия — наука об абсолютном. Более привычным является определение «наука о мире в целом», однако оно является не совсем ясным из-за многозначности термина «мир». Философы, относящиеся к различным школам, понимают под «миром» нечто совершенно различное. Традиционный термин «абсолют», несмотря на его кажущуюся архаичность, на мой взгляд, гораздо точнее обозначает предмет философии, хотя дело конечно не в термине, обозначающем предмет и начало философии, а в его дальнейшем определении, которым, по сути и является то или иное философское учение.

Любое философское учение начинается с обозначения своего основного начала или принципа, т.е. абсолюта. Поэтому универсальная формула философии — «все есть...». В качестве «всего» может выступать как нечто вещественное, как у древних, например, вода, воздух, огонь, так и нечто умообразное — число, атом, идея, единое, материя, психологический или трансцендентальный субъект, дух, воля, текст и т.д. Абсолютность предмета философии, конечно, осознается даже далеко не всеми философами. Однако именно эта абсолютность предмета и придает философии ее статус, как некогда говорили, «науки наук». Дальнейшее развитие любой философии представляет собой развернутое определение абсолюта, т.е. конкретизацию первого простого аб-

страктного принципа. Другими словами, задачей философии является развернуть это простое первое начало в сложную систему логических определений – в теорию, которая сводила бы вместе все многообразие непосредственно данной нам реальности.

Никаких других способов философствования пока не изобрели и вряд ли изобретут. Поэтому философия систематична по определению, несистематической философии просто не может быть. Автор того или иного философского учения может сознательно строить его как систему, может сознательно отказаться от систематичности и выбрать другую форму – во втором случае система будет все равно скрыто присутствовать. Ее всегда можно с большей или меньшей точностью реконструировать, поскольку автор может быть более или менее последовательным, но совсем непоследовательным он быть не может.

Наше время, на мой взгляд, интересно тем, что сейчас уходит в прошлое позитивизм в широком смысле этого слова – с его культом естественных наук и антифилософской направленностью. Философия, несмотря ни на что, выжила как самостоятельная теоретическая дисциплина. Скоро, видимо, ее вообще перестанут считать каким-то второстепенным видом знания, стоящим ниже «настоящего», «научного» знания, т.е. математики и естествознания. Придет осознание того, что философия – необходимый и высший род теоретического знания вообще и без нее нет теоретического мышления как такового. Философия вернется к своей роли «науки наук». Это значит, придет время систематической философии. Сейчас философы, осознанно или нет, подражают «настоящим» ученым – уходят в узкую специализацию и разработку деталей, в то время как настоящее дело философии – синтез, создание систем. Собственно, именно отказ философии от своего предмета и цели вызвал то презрение к философии, которое имело место в XX веке – кому интересны философы, которые бьют поклоны математике и физике и оставляют за ними право отвечать на фундаментальные вопросы? Сейчас постепенно становится ясно, что «настоящие науки» на эти вопросы ответить не могут в принципе – это не их предмет. Даже сводка всех положений частных наук не дает понимания мира – для понимания мира нужно единство, система, а не просто совокупность несвязанных между собой знаний. Тем более, частные науки не в состоянии определить свои же основания (что хорошо демонстрирует, например, история с основаниями математики) – это, безусловно, тоже задача философии.

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ

Похоже, накопилась некая критическая масса вопросов, необходимая для нового осмысления содержания, роли и значения философской культуры – не просто способов бытования философии и ее функций в социальной, интеллектуальной и духовной жизни, а именно форм выражения отношения человека к действительности, обществу, самому

себе, которые принято квалифицировать как «философские». Прежде всего, это относится к различению мудрости, философствования и философии. И в этом плане мне очень близки взгляды М.Н. Эпштейна и К.А. Кузнецова. Их материалы, а также другие представленные точки зрения многое позволяют прояснить в этом различении.

Если же, отталкиваясь от этого различения идти дальше, то, как это ни парадоксально, наибольший интерес представляет специфика собственно философии как сферы профессиональной деятельности. Причем, как по содержанию, так и по способам реализации («методологии»). И ведь, вроде бы, уже все сказано-пересказано по этой части, а оказывается, что к этой теме приходится возвращаться вновь и вновь. Наверное, такова судьба не только философии, но и любой сферы деятельности.

Наука философия или нет? Философские науки (не только журнал) существуют с очевидностью, по крайней мере, те, которые пытаются исследовать специфически философское осмысление. Ну а само философское осмысление? По крайней мере, его предмет парадоксален в высшей степени. Философское знание — всегда знание «предельное», претендующее на всеобщность. Этот предельный предмет можно называть по-разному (Абсолют, Универсум) — от этого суть дела не меняется. Философ задается вопросами, смысл которых заключается даже не столько в поисках ответа, сколько в самой постановке этого вопроса. В чем смысл жизни? Как возможно познание? Что есть самосознание?... Тогда получается, что философия не может быть отнесена к науке, по крайней мере, к собственно science. Тем не менее, философия имеет дело с опытом и претендует на определенную степень точности, рациональности. Поэтому некий минимум миниморум научности в философии можно связать с тем, что это — рациональная форма выражения осмысления предельных проблем человеческого бытия.

Это же, однако, характерно и для любого гуманитарного знания, традиционно противопоставляемого естественнонаучному. И вот тут-то начинается самое интересное: рассмотрение специфики философии позволяет в наши дни переосмыслить это противопоставление. Если основанием рациональности в science является апелляция к универсальности «законов природы», то основание рациональности humanities апеллирует к другой универсальности — универсальности самосознания, которое Н.А. Бердяев называл «чувствилищем свободы» — добытийного и внебытийного начала бытия. Немецкое название humanities — die Geisteswissenschaften — «науки о духе» точно передает суть дела.

Понимание сдвига гуманитарной парадигмы к ее сердцевине отмечено в конце XX столетия довольно явно, и это сдвиг от представления, что социально-экономическая жизнь не самодостаточна, а только создает инфраструктуру для воспроизводства и трансляции некоего способа жизни — культуры. Но и культура, как механизм порождения, воспроизводства и трансляции социального опыта — не самоценна, а выступает только инфраструктурой порождения и воспроизводства определенного типа личности. XX век зафиксировал важнейшее обстоятельство — осознание того, что и человек — это не всегда хорошо,

что сам человек, человеческая личность — инфраструктура, чувствилище того самого внебытийного и добытийного начала бытия. И все носители самосознания универсально едины — хотя бы в том плане, что являются носителями трансцендентального субъекта, некоего качества, дающего возможность трансцендирования в иное.

В этом плане очевиден и тренд самой философии, которая от интереса к сущему (бытию как таковому) за последние два столетия перешла к акцентированию внимания к способам познания этого сущего (методология, эпистемология), затем к условиям реализации этих способов (смещение внимания к языку, культуре), и на наших глазах — к личности как источнику, средству и итогу этого процесса.

Более того, можно говорить об экспансии гуманитарности на сферу естествознания и даже точных наук, что выразилось во все большем погружении последних в социально-культурный и даже личностный контекст, в выявлении зависимости их динамики от факторов этого контекста. Приходит понимание, что различия между science и humanities оказываются не столько разводящими, сколько различиями в уровне интегральной структуры смыслового содержания опыта. Если естествознание и точные науки останавливаются на уровне предметного содержания опыта, то гуманитарное знание погружается в смысловой и личностный контекст этого опыта.

И тогда становится ясной роль философии как рационального осмысления целостности этого опыта.

Напоследок — трагикомический аргумент в подтверждение этого вывода.

Давно замечено, что отечественные философы следят за периодикой, новыми публикациями коллег только в период учебы и подготовки диссертаций. Потом они утрачивают к этому интерес, забывая не только о современных авторах, но и о философской классике, с большим пафосом заново изобретая велосипеды. Надо ли после этого заниматься критикой и клеймением коллег, не разделяющих твоих рассуждений, а то и просто терминов — дело самоопределения уже не столько мыслителя, сколько члена некоего профессионального социума.

Конечно, можно было бы сказать, что таковы «национальные особенности философии» в России, но ведь это характерно и для любого последовательного философского осмысления — подведения осмысления мира, общества и себя — под свою уникальную точку зрения, универсальную в этой уникальности. Другими словами, это и есть особенность любого философствования — пытаться посредством осознания собственной уникальности найти универсальное.

Михаил ЭПШТЕЙН

В современном английском языке, особенно в его американской разновидности, слово «philosophy» имеет гораздо более широкое употребление, чем слово «философия» — в русском. По-русски это слово

звучит книжно, возвышенно, *академично*, отчужденно от повседневного языка. По-английски философией, помимо *академической* дисциплины, называется общий подход, руководящий принцип в любой деятельности. Например, к вам домой приходит водопроводчик или специалист по обрезанию деревьев и кустов и начинает излагать свою «философию». Она состоит в том, какого диаметра и из какого материала трубы следует предпочесть и как их лучше укладывать. Или: нужно ли срубать большие, нависающие над крышей ветви или, чтобы сберечь дерево, лучше подвязать их тросом. Футбольный тренер обоснует свою философию игры и идеальное соотношение сил защиты и нападения, а домашняя хозяйка посвятит в философию приготовления салата. Учитель поделится с вами философией своего обращения с непослушными и отстающими учениками, а в прачечной объяснят те методы стирки — сушки — чистки, которые отличают это заведение от всех других.

Оказывается, что философий на свете столько же, сколько видов деятельности и способов ее осуществления, поскольку всякая практика содержит в себе саморефлексию, свои «основные начала», которые профессионал осмысляет по мере овладения этой практикой. София — это мудрость обращения с вещами и их наилучшего устройства без диктата субъекта над объектом или объекта над субъектом, в соответствии с внутренней мерой самих вещей. София — это ум в его нераздельности с умением, это теория, извлеченная из практики и прямо в нее переходящая. А философия — любовь к этой самой софии, то, что побуждает нас заниматься определенным делом и становиться его мастерами и профессионалами, т.е. сочетаться с ним узами брака и приносить обет верности, в отличие от случайных дилетантов.

Чем, собственно, философия в узком смысле, как академическая дисциплина и особый метод мышления, отличается от всех этих бесчисленных философий, разбросанных по множеству практик и ремесел? Философ рефлектирует об основах таких видов деятельности, как «быть человеком», «жить во вселенной», «рождаться и умирать», «познавать и верить». Философ — специалист по общему, самому универсальному, что только есть в жизни и деятельности человека, но его философия — лишь одна из многих. Это прямо относится к важнейшему вопросу Г.Л. Тульчинского: «Где возникает и где живет философия?» Она живет во множестве дел, забот и практик как рефлексия об их началах и целях.

И это не отступление от исконного смысла понятия «софия», а возвращение к нему. Первоначально греческое «*sophia*» относилось именно к ремесленным навыкам; например, Гомер говорит о софии плотника, «умного в длани» и ровняющего «корабельное древо» (Илиада. Песнь 15. Ст. 411 — 412). Лишь впоследствии это понятие переносится из практической сферы в теоретическую, охватывая знание общих принципов мироздания. Возможно, сейчас пришло время для обратного движения «софии» в область профессиональных навыков и практических искусств. Получается, что расширенное американское употребление этого понятия — это не опощение высокого понятия философии, а ее движение вспять, к истокам софийности как мудрости практических

дел. Возможно, в этом и состоит поворотный пункт современной философии, зашедшей в тупик самоанализа (анализа своего языка), лишившейся выходов в практику и обреченной снова и снова воспроизводить лишь новых преподавателей философии.

Философии предстоит пережить переход к **полисофийности**, как в свое время высокое, нормативное понятие «КУЛЬТУРА» пережило переход к мультикультурности, осознанию множества культур. Это и есть ответ на тот мрачный диагноз/прогноз «конца» философии, который ставился Ричардом Рорти, Мартой Нуссбаум (Martha Nussbaum) и другими мыслителями. То, что академическая философия утратила связь с современной действительностью и перспективу воздействия на общественные процессы, может компенсироваться лишь осознанием *множества* софий (сознательно употребляя это слово во множественном числе, вопреки его привычному отождествлению с Софией в единственном), которые возникают и живут в «мудрости» плотничества, садовничества и т. д. У каждого ремесла, искусства, спорта есть свои маленькие «мудрости», которые не претендуют на звание Мирообъемлющих и Властительных, но осмысляются мастерами своего дела. Те явления, на которые в своих статьях ссылаются Григорий Тульчинский и Юлия Шичанина, тоже указывают на дисперсию софийности, многообразие ее присутствия в современных дискурсах: сюжетных и системных, вербальных и невербальных, онлайн-овых и оффлайн-овых...

А.Ю. Шелковников и С.А. Смирнов подходят к той же теме с другой стороны. Если философия все-таки остается вербальной, то ее акцент перемещается с анализа на синтез и с системности на проективность. Ведущим жанром становится проективный словарь как своего рода ремесло изготовления слов и понятий, которые могут использоваться в будущих дискурсах. Концептивизм, как его верно характеризует А. Шелковников, — это философия зачинающих понятий, т. е. работа производительная, своего рода плотничество, садовничество, кораблестроение в области идей, терминов и концептов. В отличие от традиционного подхода к философии как деятельности познавательной-научной, здесь выдвигается на первый план софийная деятельность как творчески-производственная. Ее особенность еще и в том, что она не стремится подчинить все многообразие терминов-идей некоему единому плану, законченному «учению», идейному императиву, но скорее предлагает концептуальные инструменты для множества разных и даже несовместимых философий. Словарь, в отличие от текста, не содержит последовательного высказывания, но содержит в себе запас словопонятий, обеспечивающих возможность самых разных высказываний, в том числе и противоположных по смыслу.

Словаризация и проективизация вербальной философии, вкуче с признанием статуса множества практических софий-ремесел, означает вступление философии на новый путь развития: от «произведения» и «учения» — к созданию всеобъемлющей софийной среды, **софиосферы**. Это такая же сфера, как биосфера (по Ж.-Б. Ламарку) или ноосфера (по

В. Вернадскому), или семиосфера (по Ю. Лотману). Она объемлет собой все «мудрое», что содержится в делах и словах людей, в их ремеслах, поступках и мыслях, причем объемлет именно как сфера, в которой каждый софийный акт (поступок, идея, понятие, высказывание, текст, термин) соотносены между собой. Конечно, интернет и многообразие его технических возможностей, о которых говорит Ю. Шичанина, способствуют ускоренному становлению софиосферы, но она становится все более очевидной реальностью и в силу внутренних особенностей исторического становления философии: от афоризма и притчи – через трактат, учение, систему – к софийности как сферичности.

Понятие **софиосферы** побуждает по-новому осмыслить цели и методы философского творчества как **лингвоархитектуры**, **идеоархитектуры** – строительства ментально-вербальной среды. Это иной тип деятельности, чем создание отдельного произведения или учения. Произведение дискретно, а **софиосфера** непрерывна. Идеал отдельного, совершенного произведения, «трактата», господствовал над философией в эпоху Гутенберга. С пришествием интернета меняются законы интеллектуального творчества: от создания законченного продукта – к созданию интеллектуальной среды обитания. Если рассматривать архитектуру широко, как конструирование искусственной среды, то «произведение» как единица творчества соответствует отдельному зданию. Новая философия, точнее, **полисофийность**, тяготеет к созданию целостной, сплошной, континуальной городской среды, по-разному сочетающей многие архитектурные элементы: идеи, проекты, теории, произведения, образы.

Философские системы прошлого сейчас представляются до-урбанистической фазой в истории мысли и напоминают замки, одиноко выступающие над гладью пустыни: крепость Декарта, обнесенный рвом замок Канта, циклопическое сооружение Гегеля... Строили отдельные здания, изящные, величественные; разрушали одни здания, чтобы на их месте возвести другие, более прочные. На рубеже XX – XXI вв. меняется сам тип архитектурного сознания в философии, сама архитектоника мышления. Уже недостаточно строить отдельные здания (системы) – пришло время создавать **софиосферу**, среду обитания, логические объемы и переходы, пусть даже они останутся незамеченными, потому что мы живем в них, как горожане – в многоплановой искусственной среде. Здания, построенные раньше, не утрачивают своего значения, но соединяются тысячами переходов, подвесных мостов, лестниц, многоуровневых галерей – и уже не выглядят столь пугающе одинокими и величественными, как раньше. Софиосферный автор, донор софионета, видит свою задачу в создании, поддержании, распространении концептуальной среды, уходящей за горизонт, необозримой для него самого.